

В. БОЛДИН

Осенью 1990 года я пригласил в ЦК КПСС А.Н. Шелепина, которого знал с начала 60-х годов. Мне хотелось знать, как живет этот в прошлом широко известный в партии и стране человек. Он пришел ко мне — внешне мало изменившийся, но несколько надломленный несправедливым отношением к нему человек. Мы обсудили деловые вопросы и я не удержался, чтобы не спросить его о прошлом, о его встречах с известными людьми, отношении к политике партии в то время.

Александр Николаевич не оставил мемуаров, хотя, как он сказал, кое-что писал, поэтому сделанная мной запись беседы, которая публикуется с сокращениями, может представлять известный интерес. Покончив с текущими вопросами, я спросил его о встрече со Сталиным перед назначением на должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

юзный славянский комитет. Это очень важная организация.

Я говорю:

— Хорошо, товарищ Сталин.

И тогда он с акцентом заключил.

— Ну, все, спасибо.

Я встал и пошел:

— До свидания, товарищ Сталин.

Он не ответил. Это была единственная встреча.

Наверное, каждый имеет право на личное мнение. И в те годы я, разумеется, не знал о злодеяниях, совершенных в предвоенные годы. А то, что знал, считал справедливым, ибо враги народа признавали свою вину. Но, с другой стороны, помню, когда я работал в КГБ, мне показывали один документ. Он был помечен, кажется, 12 ноября тридцать седьмого года. Тогда министр внутренних дел написал записку на полстраницы, в которой предлагал расстрелять сотни так называемых врагов народа. И подписи на документе: “За” — Сталин, “за” — Молотов. Все. Но это

понятно, хотя, возможно, кого-то это удивит. Подробно об этом говорить — надо целый доклад делать.

— А кто в это время с ним больше всего работал, кто, так сказать, его соратники? Вот вы говорите — Маленков.

— То, что я знаю, — Маленков. А из аппарата ЦК был такой Штемберг. Это была правая рука Маленкова. Маленков ему безгранично доверял. Почему я знаю? Потому что комсомол выходил на него.

— И тогда уже возникнул Хрущев? Или только после смерти Сталина?

— Хрущев? Я с ним познакомился в 1946 году на съезде комсомола Украины. Был первый съезд после войны. Меня Михайлов туда взял с собой, вот это было первое знакомство. Когда умер Сталин, я был членом ЦК. Мне позвонили и сказали (а у нас как раз пленум ЦК комсомола в эти дни, и я готовился к докладу): “Немедленно приезжай в ЦК”. Я приехал в ЦК. Собрали членов ЦК и сказали, что Ста-

то поднимался, становился самостоятельным, он тотчас зачислялся в неугодного человека. А Брежнев знал, как вести себя с руководством. Потому и получал поддержку. Пусть формально, но он стал главой великой державы. Ну его и двигали на первую роль. Ему этого страшно хотелось, хотя в случае неудачи и опасения были велики. Поэтому Леонид Ильич колебался до последнего момента. Но когда отступить было некуда, сделал все, как договаривались. Вот так начиналось изгнание Хрущева.

Но я удивлен и не совсем понимаю Воронова Геннадия Ивановича и Шелеста. Они участвовали в подготовке Президиума и октябрьского (1964 года) пленума ЦК. Они выступали очень остро. Геннадий Иванович выступал главным образом по селу, он был озлоблен тем, что Хрущев издевался над ним, и издевался основательно. Это чувствовалось и в его выступлении. Шелест выступал очень остро. Теперь

КАК ЭТО БЫЛО

Шелепин Александр Николаевич родился в 1918 году. Образование высшее — окончил Московский институт истории, философии и литературы. С 1939 по 1940 год служил в Красной армии, принимал участие в советско-финской войне. С 1940 по 1943 год на комсомольской работе в Москве. С 1952 года — секретарь, второй секретарь, первый секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1958 года заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС. Затем Председатель Комитета Госбезопасности СССР. С 1961 года — секретарь ЦК КПСС, одновременно заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совмина СССР. С 1967 года Председатель ВЦСПС. Член Политбюро ЦК КПСС. С 1976 года — заместитель председателя Госкомитета по профтехобразованию СССР. Умер в 1994 году. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

— Это было в 1952 году. Так давно, что вспоминается с трудом.

— Какое впечатление он тогда производил?

— Вы знаете, Валерий Иванович, на меня он произвел довольно неприятное впечатление, если говорить объективно. Сталин уже был болен. XIX съезд был в октябре 1952 года. Михайлова, бывшего первого секретаря ЦК комсомола, избрали тогда кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС. Меня предложили на его место. К встрече со Сталиным готовили основательно. Я сейчас не помню фамилии заведующего сектором оргпартотдела ЦК, который меня “тренировал”. Потом беседовал Григорьян — заведующий Международным отделом ЦК. Григорьян мне сказал, что докладывать надо очень кратко, в пределах 5—7 минут. Сказать главным образом о международном молодежном движении, поскольку я был вице-президентом Международной федерации молодежи.

Потом за меня взялся Маленков. Маленков сказал кратко:

— Имей в виду, он почти ничего не слышит (это я дословно говорю), поэтому надо говорить громко, даже кричать. Во-вторых, когда придешь к нему в кабинет... А ты знаешь где кабинет?

— Да, знаю.

— Ничего в руках не держать: ни папок, ни бумаг — ничего не держать.

Потом я ждал примерно неделю. Позвонил Поскребышев и сказал: “Приезжай”.

Кабинет Сталина был на втором этаже. Пришел я туда. Запылся, бежал бегом от ЦК комсомола. Думал, может, посижу, передохну немного. Но Поскребышев сразу сказал: иди.

Открыл дверь, зашел, кричу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

А он наклонился, молчит. Я тогда вплотную вот так подошел и кричу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

Он посмотрел, повернулся и пальцем показывает, что надо сесть. Я сел. Начал докладывать — встал. Он махнул рукой: сиди.

В пределах пяти, максимум семи минут я доложил обстановку в международном молодежном движении. Он выслушал. Ничего не спрашивал, не задавал вопросов. И сказал:

— Вам надо войти членом в общесо-

одна сторона медали. Что касается другой, то все отвергать в его деятельности неправильно. Все-таки более тридцати лет человек возглавлял государство, сделал его могучим, и так оплевывать его нельзя. Нужно приводить аргументы, а не издевки.

А сегодня что происходит? Выплеснулось очень много эмоций, а с эмоциями выплеснулись и все другие очень нехорошие вещи. Ведь мы как-то оторвались от истории, то есть не стали рассматривать процесс формирования нового общества исторически. Вот в чем, как мне кажется, дело. Да, были ошибки в коллективизации, серьезные, грубейшие перегибы, но к войне в основном мы успели подготовиться, так как удалось создать промышленность, да и колхозы показали свою живучесть. А если бы не было индустриализации, что было бы со страной? Сейчас особенно упражняется в обвинениях “Огонек”. Новый редактор хочет, видимо, показать себя.

И везде только это. К сожалению, группа определенной направленности взяла верх в средствах массовой информации. Публикуют воспоминания Хрущева. Они тенденциозные. Я глубоко убежден, что это работа Аджубея и Сергея, его сына. Ведь воспоминания Хрущева приспособили к сегодняшнему дню. Взять, например, военный период. Хрущев с сыном сделали из Сталина дурака. Или утверждают, что Сталинградская битва — это заслуга Хрущева. Оплел Василевского. Почему? На каком основании?

Рукопись надиктовок отца Сергей передал через свои связи в Америку.

— Он отрицает это, Александр Николаевич.

— Сколько бы он не изворачивался, но это правда. Хорошо, если передал только рукопись. Ведь он был допущен к оборонным секретам. Вообще идет перехлест. И то, что сейчас между литераторами идет драка. К сожалению, берут верх непатриотически настроенные люди. Смотрите, как себя Коротич ведет. Если где-то появилось малейшее критическое замечание в адрес журнала или газеты, будь оно трижды справедливое, тут же идет опровержение. Ну что это? В демократическом обществе, как я понимаю, так не поступают. Идет подыгрывание Западу. Для чего бы? Чтобы иметь возможность при случае скрыться у своих “друзей”.

— А как вы чувствовали руководство Сталина комсомолом в тот период?

— Абсолютно никак. Всем управлял Маленков. ЦК комсомола выходил на него. Когда Жданов был, то на Жданова. Но это было еще при Михайлове. В отношении Сталина... Мне многое не

лин умер. “Проинформируйте свой актив и ждите дальнейших указаний и ничего не предпринимайте, ждите указаний”.

Я собрал бюро, сообщил о смерти Сталина. Тогда кто-то (сейчас не помню) предложил:

— Надо переименовать комсомол в ленинско-сталинский.

Это было утром. Я звоню Хрущеву:

— Никита Сергеевич, вот есть такое предложение.

Он с ходу говорит: “А что, это не плохо. Когда у вас пленум?”

— Послезавтра.

— Ну, что ж, давайте.

А в двенадцать ночи звонок: “Сейчас с вами Хрущев будет говорить”.

Никита Сергеевич опять спрашивает: “Так когда у вас пленум?”

— Послезавтра.

— А вы пока ничего не сделали?

— Как же, обращение подготовили, проект решения пленума.

— Знаете что, не надо. Мы тут подумали. Ничего не делайте.

Утром я собрал бюро, сказал: “Отбой”. Потом у меня уже были постоянные встречи с Хрущевым. Не всегда, конечно, регулярные, потому что в эти годы комсомол уже не очень почитали, но были. Вообще я был достаточно близко знаком с Хрущевым. Он меня наблюдал и в последующем выдвинул в Президиум ЦК.

Я и с Брежневым контактировал главным образом в его московский период. С июня 1957 года Брежнев — член Президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК. Тогда ему поручили вопросы развития тяжелой промышленности, строительства, а главное подчинили ему все оборонные отрасли и прежде всего ракетно-космическое направление. Разумеется, были министерства, специальные отделы в Совмине СССР, и далеко не Брежневым воплощались в жизнь космические программы. Поэтому дело не остановилось, когда Леонида Ильича избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР. К сожалению, не внес он ничего нового в законодательство страны, развитие демократических основ, внешнюю политику государства. В памяти о пребывании в этой должности остались только вручение наград соратникам да высшему чиновничьему аппарату. И поездки за рубеж.

— Но все-таки он прошел большой жизненный путь, приобрел опыт и знания в разных сферах экономики, деятельности партии, имел высокие посты, так что с ним сравниться вряд ли кто мог.

— В этом-то весь вопрос, Валерий Иванович! Хрущев подбирал людей соответственно своему складу. И как кто-

они пишут по-другому. Даже утверждают: на Президиуме, когда Хрущев в конце прений попросил слово, Брежнев ему отказал.

Не Брежнев, а Хрущев вел заседание Президиума. Он сидел на месте председателя и руководил обсуждением вопроса, почему же он не мог говорить? Это целиком от его желания зависело. Надо отдать Хрущеву должное, он вел себя на Президиуме уверенно и, мне кажется, вполне достойно.

Деятельность Хрущева сегодня освещают необъективно. На эту тему можно говорить много. Ошибок у него, конечно, было предостаточно. Возьмите в области внешней политики. Ведь наша страна за десятилетие трижды была поставлена на грань новой мировой войны. Я не преувеличиваю. Я имею в виду суэцкий, берлинский и карибский кризисы. Вот карибский кризис. Тут большую роль, в смысле необъективности освещения, сыграл Громыко. Я же был секретарем ЦК и присутствовал на заседаниях Президиума ЦК. Когда случился карибский кризис, нас всех срочно собрали. Мы сидели, наверное, полчаса, ждали, пока пришел Хрущев. Он пришел красный, чувствовалось, что он в шоке и растерянности. Первое, что он сказал, поразило меня:

— Товарищи, дело Ленина погибло.

Это была первая фраза, которую произнес Хрущев. Потом он начал все рассказывать. Поскольку я не был ни кандидатом, ни членом Политбюро, а был только секретарем ЦК, то не знал всей кухни. Ракеты-то завезли туда скрытно, а вывозили их у всех на виду. Конечно, это было унижением нашей страны, унижением нашей армии, ее престижа. Когда вывозили ракеты, американцы останавливали каждый корабль, их офицеры поднимались на борт, отдавали честь и все осматривали, затем, ехидно улыбаясь, уходили с кораблей. Главное, когда ввозили ракеты, с Кастро был разговор, а когда вывозили ракеты, то с Кастро разговора не было. Мы вынуждены были принять ультиматум, который предъявил Кеннеди.

А что было с берлинским кризисом? Неужели из-за Берлина надо начинать третью мировую войну? А ведь мы были на грани этого. Или возьмите совещание в верхах в Париже. Все приехали, собрались. Англия, Франция, Америка и СССР. И с чего начал Хрущев? Только вошел и сразу потребовал у Эйзенхауэра извиниться за полет самолета Пауэрса. Бестактно. Тот не извинился. Хрущев хлопнул дверью и ушел. Совещание сорвалось.

Если о внутренних наших делах говорить, то Хрущев создал новый культ